

БОРЬБА ПАП С ИМПЕРАТОРАМИ

С львами нередко случаются беды: в боях между собою они наносят один другому тяжелые, иногда смертельные раны. Вероятно, случается также, что слон убивает льва; быть может, убивает его иногда и буйвол. Все это неудивительно. Но случилось однажды попасть льву в беду небывалую: он имел дерзость отважиться на бой с кошкой. Вы помните, чем должно было кончиться дело по предсказанию крысы: кошка должна была растерзать льва, потому что нет на свете зверя сильнее кошки. В числе других легкомысленных людей, вероятно, и вы смеялись над мнением крысы. Напрасно. То же самое приключение повторялось что-то очень много раз, и всегда развязка была та самая, которую предвидела крыса: лев погибал, растерзанный кошкой, и победительница, взобравшись на его труп, задрав хвост, возвещала вселенной свою победу громогласным мяуканьем. По крайней мере летописи XII и XIII столетий свидетельствуют об этом. Сохранились и груды актов торжествующего кошачьего мяуканья. Очень многие историки считают себя обязанными верить и пересказывают все, как было: около двухсот лет один лев за другим был терзаем кошкой.

Мы считаем, что во второй половине XI века началась ужасная борьба между немецкими королями, получавшими обыкновенно сан римских императоров, и папами. Она длилась почти два столетия; вообще побеждал папа, но римский император, если не был растерзан победоносным зайцем, собирал новое войско и возобновлял борьбу. А если и был растерзан, борьба все-таки не прекращалась. Немецкие князья выбирали нового короля, и он шел мстить победоносному зайцу за своего погибшего предместника и обыкновенно родственника. Очень упрямы были львы. Но в конце концов никакое упрямство не превозможет силы: зайцы были сильнее львов, и последние Гознштауфены¹ были последними жертвами страшных когтей зайцев. Наученные их примером, следующие немецкие короли уже не возобновляли борьбы с всепобеждающим могуществом владыки всего западного христиан-

ского мира. Впрочем, едва прекратились походы немецких Гогенштауфенов на Рим, как всемогущий владыка западного христианства оказался играющим очень жалкую роль послушного лакея в свите того или другого из римских вельмож или итальянских государей, а потом поступил в постоянное лакейство к королю французскому. Превращение несколько неожиданное; но каких чудес не бывает на свете.

Кем писаны те источники, по которым пересказывается история борьбы пап с немецкими королями? Эти летописи, биографии, панегирики и пасквилы все писаны монахами. Нечего спрашивать о том, кто были люди, писавшие официальные акты римской курии. Но и все официальные акты немецких королей, все их письма, предназначенные для отправления какому-нибудь государю или сановнику, писаны тоже монахами. Монах на службе у короля, конечно, писал в защиту его от притязаний папы; но <не> оставался ли он человеком, в голове у которого засели сословные отношения низшего чина католической иерархии к высшему? Если он был еще только капеллан короля², он мечтал о епископской кафедре; каждый епископ был для него то, что теперь офицер для унтер-офицера, который может занимать в канцелярии главнокомандующего довольно влиятельную должность, но при всякой встрече с офицером обязан протягивать руки по швам. Хорошо получить офицерский чин! Важные люди подпоручики! И унтер-офицер не может заглушить в душе благоговение к ним, даже когда пишет по приказанию своего начальника решения сажать их под арест. Впрочем, он может и ругать их самыми грубыми словами, если велел начальник. Старшие канцелярские чиновники королей были уже не капелланы, а епископы. Над епископом было в то время довольно близкое и довольно сильное начальство: власть архиепископа над епископами его митрополии еще оставалась довольно велика. Но если правителем канцелярии немецкого короля был и архиепископ, все-таки он имел над собой церковного начальника — папу. Правда, архиепископы в случаях личной ссоры не слишком церемонились тогда с папами. Но самое чувство высокого личного положения поддерживало в них приобретенную ими в низших чинах привычку говорить о папе тоном благоговения, пока нет надобности ругать папу. Привычка — великое дело; в пасквилях, писанных против пап лицами духовного сословия, главное основание порицаний то, что нынешний папа по своему характеру и образу жизни не достоин своего высокого сана; и, для эффекта, высота папского сана превозносится до небес: контраст с личной низостью папы выходит от этого резче. Сословный иерархический тон властвует в летописях и актах, писанных монахами, служившими немецкому королю; они очень основательно находили, что, пользуясь милостями короля, все-таки не следует ссориться с тем сословием, к которому они принадлежат; милость короля переменчива, да и кто поручится, что

он завтра не упадет с лошади на охоте и не разобьется до смерти? А сословие вечно, и оно сильно.

Духовенство действительно было в средневековой Западной Европе сословием очень сильным. Но, рассуждая о силе духовенства в те времена, следует помнить, что такое было тогда духовное сословие. Преподаватели были монахи. То, что называется теперь чиновниками, это были тогда монахи; младшие сыновья вельмож и государей были отдаваемы в духовное сословие, если отцы были люди расчетливые, не желавшие ослаблять свою династию выдачей уделов младшим братьям будущего главы рода. Таким образом, духовное сословие было тогда вовсе не то, чем осталось оно в католических странах теперь. Под названием «средневековое духовенство» должно понимать класс, к которому принадлежали все сановники гражданского управления и в котором находилось столько сыновей и братьев графов, маркграфов, герцогов, королей, что не было ни одной династии, ни одной знатной фамилии, которая не была бы соединена с этим сословием близкими родственными связями. Потому-то оно и пользовалось очень сильным влиянием на государственные дела, имело в своем владении огромные поместья, целые области.

Итак, мы не должны забывать, что под названием «духовенство» в средневековых летописях, других книгах и в официальных актах, словом, во всех письменных памятниках средних веков, должно понимать сословие, важнейшую часть <которого> составляли дяди и младшие братья государей и главных лиц аристократических семейств и высшие гражданские сановники. Чтобы правильно понимать этот термин средневекового языка, должно подставлять под него в наших мыслях понятие «младшие родственники государей и вельмож, не получившие уделов и не нашедшие себе выгодных невест, потому оставшиеся холостыми, и сановники гражданского управления». Лишь в немногих случаях, когда речь идет о делах, нимало не интересных для высшего сословия, — о догматических спорах, об отправлении богослужебных обязанностей, — надобно дополнять это понятие прибавкой: «и находившиеся под начальством этих лиц профессеры, священники, простые монахи». Во всех других случаях эта масса, составлявшая так называемое низшее духовенство, была только исполнительницей приказаний своих начальников, принадлежавших к духовному сословию лишь по названию, да и в этих делах, вообще не интересных высшему сословию, профессеры, проповедники и другие даровитые люди низшего духовенства имели некоторую самостоятельность лишь настолько, насколько для людей, не интересующихся религией, были безразличны их рассуждения в том или другом смысле. Как только спор о догматах, обрядах или нравственных обязанностях, облекавшихся тогда в религиозную форму, получал хотя маленькое политическое значение, вельможи, родственники государей и административные сановники, составлявшие высшее

духовенство, брали ведение дела в свои руки, и низшее духовенство рассуждало по их инструкциям.

При обыкновенных семейных отношениях дело невозможное, чтобы глава богатого семейства не заботился доставить своим младшим родственникам такой образ жизни, какой приличен родственникам богатого человека. Если богатство главы семейства очень велико, то и его собственное родственное чувство, и общественное мнение требуют, чтобы его младшие братья и младшие сыновья пользовались очень большими доходами. Областной владетель, имеющий младших сыновей или еще не пристроенных младших братьев, имел два выбора: или дать им уделы, или доставить им приличные доходы из других источников. Бывали случаи, что во владение ему попадали достаточно большие куски земли вдали от главных масс его владений, и он находил, что они делают ему хлопоты, не окупающиеся выгодами, какие приносят. Если он был человек расчетливый, он мог без сожаления отдавать эти куски младшим сыновьям или младшим братьям. Он не ослаблял этим себя и не делал убытка старшему сыну, своему будущему преемнику. Но, разумеется, гораздо чаще случалось, что он не имел в своем распоряжении таких кусков земли, которые были бы лишними для него и отчуждение которых из-под непосредственной власти главы династии не ослабило б ее. Ему приходилось ослабить себя и свою династию, если он решится дать уделы братьям и младшим сыновьям. Многие государи и вельможи или по недостатку сообразительности, или по слабости характера нарушали династический и свой личный интерес, отдавая в уделы такие области, отчуждение которых ослабляло их самих и старших сыновей их. Но люди рассудительные предпочитали другое средство — дать приличные доходы младшим членам своего семейства. Главным источником таких доходов служили церковные земли. Епископская кафедра или аббатство имели поместья. Главная масса этих поместий находилась во владении епископа или аббата; довольно большие куски были назначены во владение членов епископского капитула³ или главных помощников аббата. Государь, непосредственными владениями которого были охвачены поместья кафедры или аббатства, назначал епископа, аббата, членов капитула, главных помощников аббата. Он давал эти должности младшим членам своего семейства; другие такие же должности заменяли жалованье его сановникам. Конечно, непосредственно распоряжался он лишь важными церковными должностями, на второстепенные он назначал людей по просьбам своих родных и вельмож или оставлял их в распоряжении назначенного им епископа или аббата.

Понятно, что интерес государя требовал расширения церковных поместий, лишь бы не в убыток ему и его династии. Правителю государства, в котором лежит множество крупных и мелких владений, не находящихся под непосредственной его властью,

беспреданно представляются случаи брать эти владения; но не все случаи увеличить свое государство благовидны; часто человек навлекает на себя порицание, если берет все, что может взять. Другое дело, когда он отдает на прекрасное употребление те куски земли, которые подвертываются под его распоряжение; отдавать земли церквям считалось заявлением благочестия. Расчетливый государь и отдавал церквям те владения, которые подвергались под руки ему, но которые неблагоприятно было бы взять в состав непосредственного своего имущества. Вместо порицания он заслуживал этим похвалу, а выгода ему была почти та же самая, если бы он взял их себе. Он увеличивал свои средства давать награды своим сановникам, другим людям, оказавшим ему важные услуги, и доставлять приличные доходы младшим членам своего семейства.

Не все государи и главы вельможеских родов были люди благоразумные; попадались между ними расточители, тратившие свои средства на турниры, пиры, другие прихоти; в числе прихотей у некоторых бывало желание блистать благочестием; они, делая подарки всяческим другим лъстецам, делали пожертвования и для того, чтобы заслужить похвалы лъстецов, владевших кафедрами или аббатствами, дарили земли церквям, доходами которых пользовались эти лъстецы. Бывали между нерасчетливыми государями и вельможами люди истинно благочестивые; они делали подарки церквям по действительной набожности; впрочем, пересмотр фактов ведет, кажется, к заключению, что количество имений, данных церквям вельможами и государями под влиянием этого чувства, было гораздо менее велико, чем обыкновенно говорят; кажется, что набожность была мотивом, который произвел результаты незначительные сравнительно с действием расчета политических выгод.

Чаще и больше, чем подарками при жизни, отдавали большие владения церквям умирающие государи, государыни и вельможи по завещаниям. Самый крупный факт этого рода — завещание Матильды, графини тосканской, отдавшей все свои аллоды (родовые владения) римскому престолу⁴. Это завещание стало причиной споров между папами и немецкими королями, и не раз немецкие короли отказывались в пользу римского престола от своих притязаний на аллоды покойной графини Матильды, потом возобновляли притязания на них. Шума было очень много. Но в сущности дело было маловажно: ни папы, ни короли немецкие никогда не могли в самом деле стать владельцами этих аллодов; они были захвачены местными государями или вельможами, лишь на словах признававшими себя за вассалов — иной раз папы, иной раз — короля немецкого. Это было нечто вроде спора о том, кто сюзерен короля венгерского: папа или король немецкий.

Кроме государей, вельмож, других богатых людей, делали пожертвования церквям деньгами и землями люди небогатые и вовсе

бедные. Об этом шло не мало шума и в те времена, а в очень многих исторических книгах нашего времени идет очень много шума: клерикалы и наивные люди благочестивого направления толкуют восторженным языком о громадности количества этих пожертвований бедняков церквам, наивные противники клерикальной партии скорбят о громадности богатств, набранных средневековым духовенством от бедняков и людей небогатых; но, хотя количество жертвователей и жертвователей этого разряда было очень велико и хотя хитрецами, в пользу которых шли эти пожертвования, было употребляемо очень много хлопот на выманивание их, хотя много стариков и старух оставались без куска хлеба, отдав его церквам, — сумма всего приобретенного церквами из этого нищенского достояния была незначительна по сравнению с тем, что получили церкви от государей и вельмож. Дело походило своими результатами на то, что производится патриотическими пожертвованиями во время войн: хлопот ючень много, криков об успехе еще больше, а собранная сумма образует каплю в море денег, расходуемых на войну. Да и в ней большую половину составляют немногие крупные вклады.

Родственные чувства, надобность награждать усердных слуг, давать большие доходы сановникам гражданского управления были важнейшими из тех мотивов увеличивать церковные имения, которые можно назвать чувствами личной приязни государей. Но гораздо большие результаты производил политический расчет, не имевший никакого отношения к личной приязни или неприязни, происходивший исключительно из надобностей королевской власти.

С самого начала средних веков, с самого завоевания римских областей германскими народами проявилось у военачальников, служивших князю-завоевателю, <стремление> сохранить в завоеванной стране ту независимость от него, какую имели они на родине перед нашествием на римскую область. Этот князь, сделавшийся теперь королем, назначал областных правителей, и по закону, если можно назвать законом притязания завоевателя играть роль государя в римском смысле слова, областные правители были только комиссары, которым он велел заведывать в его интересах сбором доходов, судопроизводством, полицией и военными делами в областях, куда он послал их. На деле было не то: эти люди, бывшие на родине родоначальниками или князьями своих племен, считали свои должности в завоеванной стране своей личной собственностью и хотели сделать их наследственными, как была наследственной их власть на родине. Лучшим средством ослабить их короли находили то, чтобы выделять из-под их заведывания как можно больше земель и отдавать эти земли во владение таким людям, которые не могли иметь наследников. Таковы были епископы и аббаты, по самому своему сану обязанные оставаться безбрачными. С самого основания германских королевств

королям было уже трудно передавать по смерти областного правителя должность его кому-нибудь, кроме его наследника, или если наследник был несовершеннолетний, то кому-нибудь, кроме близкого родственника, который был бы в благоустроенном государстве опекуном сироты, а в те времена насилия и беспорядка становился сам наследником прав отца сироты. По смерти епископа или аббата никто не имел законного притязания быть его преемником, и король мог назначить на его место, кого хотел. В некоторых частях завоеванной германцами Западной империи расчет королей, основанный на безбрачии духовных сановников, действовал так успешно, что во всех округах должность графа (окружного правителя) была передана епископам.

Французские и немецкие короли династии Каролингов⁶ и их преемники не могли и мечтать об этом: Франция уже разделилась на областные государства, почти совершенно независимые от короля; в Германии дело еще не дошло до этого, но герцоги немецких племен и маркграфы⁶ пограничных военных округов были так самостоятельны, что все силы короля были поглощены заботами о поддержании своей власти над этими непосредственными соперниками. Иной раз королю удавалось низложить того или другого герцога, отдать его должность своему сыну или брату, победить или запугать других герцогов, стать полновластным хозяином королевства. Но такое положение дел держалось только насилием, и как только попадал король в какое-нибудь затруднение, герцоги переставали повиноваться его приказаниям, помогали ему, только когда находили это выгодным для себя: он должен был действовать по соглашению с ними, как старший союзник их; это был обмен услуг: король удовлетворял каким-нибудь желаниям герцога, герцог за это приводил ему свое войско для его походов на другого герцога или против иноземного государя, или для восстановления немецкой власти над Италией. Таково было положение и самых сильных из немецких королей до последней трети XI века: Оттон I и Генрих III были полновластными государями Германии лишь по несколько лет⁷; большую часть времени своего царствования и тот и другой или проводил в усмирении герцогов, или в управлении делами по соглашению с ними. Но и во Франции королям удалось передать много больших кусков королевства в управление епископам и аббатам, а в Германии они успели дать каждому епископу довольно большую область. Ни семейные, ни нравственные мотивы не касались дела при передаче этих областей во владение епископам. Если употреблять выражения, имеющие ясное значение на языке нашего времени, мы должны говорить о переходе немецких областей во владение епископских кафедр и некоторых аббатств такими словами: Германия делилась на наследственные областные государства; эти государства назывались герцогствами и впоследствии такие же государства, хотя менее обширные и сильные, возникали, под

названием маркграфств и ландграфства⁸ тюрингского, в землях, вновь присоединяемых к немецкому королевству; каждое герцогство делилось на графства, владельцы которых тоже были наследственными государями. Таким образом, в Германии существовали три степени наследственной власти: королевская, герцогская и графская. На всех степенях она была наследственной только фактически, а не по формальному закону, который, напротив, утверждал, что король избирается князьями, а князья назначаются королем. На деле выбрать короля не по порядку наследства значило для выбирающих другого кандидата князей решиться на войну с прежней династией и ее сторонниками; назначить герцогом не того князя, который считал себя законным наследником покойного герцога, значило для короля решиться на войну с прежней герцогской династией, и очень часто короли терпели неудачи в таких войнах.

Кроме государств, находившихся в непосредственном владении герцогов и графов, были в Германии другие государства, над которыми король имел более серьезную власть, нежели над герцогствами и графствами, остававшимися потомственной собственностью династий; это были государства, в которые король свободно назначал государей при вакансиях; они должны были принадлежать людям, не имеющим права вступать в законный брак, потому не оставлявшим после себя наследников; государи, безбрачие которых давало королю такую большую выгоду, назывались архиепископами, епископами, аббатами. Очевидной пользой для него <было> расширять их владения во вред наследственным областным государям. Немецкие короли так и делали при всякой возможности. Ко второй половине XI века дело это было доведено королями до такого размера, что почти всем архиепископам и многим епископам были доставлены довольно сильные государства. Однакоже ни одно из них не равнялось силой ни одному из герцогств.

В оборонительных войнах пожизненные безбрачные государи имели то преимущество над большинством потомственных, что резиденциями их служили города, по тогдашнему времени многолюдные и богатые. Жители такого города имели средства окружить его укреплениями, по тогдашнему времени очень сильными, и не жалели никаких личных трудов и денежных расходов на это дело. Будучи торговыми центрами, большие города имели изобильные запасы хлеба. Осадное искусство того времени не давало быстрых средств разрушить крепкие стены, и город мог выдержать продолжительную осаду. С наступлением осенних непогод войска расходились тогда по домам; потому осада длилась непрерывно лишь несколько месяцев. Выдержав ее эти месяцы, горожане поздней осенью и зимой имели время поправить укрепления, даже усилить их и сделать новые запасы хлеба. Таким образом, город мог держаться против самого могущественного герцога

несколько лет, и если епископ или архиепископ, бывший государем его, находился в хороших отношениях с горожанами и они хотели защищать его, он очень долго мог сопротивляться своим соседям, наследственным областным государям. Были довольно большие и богатые города и у некоторых из них, но лишь у немногих, кроме герцогов, и города эти были, сравнительно с архиепископскими и многими епископскими, незначительны.

Но, при всем превосходстве своих резиденций над герцогскими и графскими в оборонительной войне, ни один из пожизненных безбрачных государей Германии не мог удержаться независимым от соседнего герцога без помощи короля. Были и простые графы более сильные, чем самый сильный из безбрачных государей. По своим титулам безбрачные государи занимали высокие положения между князьями. Архиепископы воображали себя равными герцогам. Епископы мечтали о себе, что они выше графов. Нельзя и смеяться над ними за эти притязания, не соответствовавшие их силам: потомственные государи вообще расположены были оказывать им большой почет, как высоким церковным сановникам. Почему ж бы не оказывать? Быть блачестивым — дело хорошее, а гнуть спину, валяться в ногах вообще не казалось в те времена делом унижительным; притом это составляло часть церемоний, а люди в те времена были страстными любителями церемоний. Читая рассказы тех времен, встречаешь такие забавные факты этого рода, что готов бываешь думать: становиться на колени, кланяться в землю доставляло удовольствие исполняющему эти вещи в парадной обстановке. Очень хорош, например, случай, происшедший по поводу дела об учреждении епископской кафедры в городе Бамберге. Императору Генриху II⁹ хотелось учредить эту кафедру. Но епископ должен же иметь епархию. Приходилось для бамбергской кафедры отрезать куски от соседних епархий. Собрались епископы, пришел император Генрих II, повалился им в ноги, умоляя, чтоб они согласились на учреждение бамбергской кафедры, упрашивая соседних епископов, чтоб они отдали куски своих епархий бамбергской кафедре, а других умоляя, чтоб они склонили своих товарищей к этому пожертвованию. Не знаяши подробностей, подумаешь, что епископы, в ногах у которых валялся Генрих II, были люди самостоятельные, так что могли бы, пожалуй, и не исполнить просьбы Генриха. Но вы читаете <историю> его царствования и видите, что он при всем своем благочестии держал немецких архиепископов и епископов в ежовых рукавицах. Не только просить их согласия на учреждение бамбергской кафедры, но и разговаривать с ними об этом ему не было никакой надобности. Надобно было только войти, велеть принести готовый для подписи акт и сказать епископам «подписывайте». Если бы кто раскрыл рот возразить, Генрих велел бы отвезти его в ближайший монастырь и держать там под стражей, объявил бы его низложенным и назначил бы на его место другого. Но че-

людеку действительно нравилось играть комедию. Недурно характеризуются тогдашние понятия о подобных церемониях и поступками Фридриха Барбароссы¹⁰ в парадных случаях. Перед первой его встречей с папой ему сказали, что он должен вести за повод иноходца папы (встреча должна была происходить под открытым небом, и, поздоровавшись, Фридрих и папа должны были отправиться прямо в церковь для молебствия). Фридрих вспыхнул и сказал, что не унизит свой сан исполнением роли конюшего папы; ему объяснили, что унижения в этом нет, и он повел за повод иноходца папы. Прекрасно; тут еще можно подумать, что он действительно имел какую-нибудь надобность угодить папе: это был папа, живший в Риме за крепкими стенами большого города и владевший римскою цитаделью — замком св. Ангела, очень крепким. Подумаешь, Фридрих рассчитывал: не угодишь папе, он уйдет в Рим, и посаждай Рим, когда-то еще возьмешь город; а возьмешь, то найдешь, что папа ушел в замок св. Ангела, и веи новую осаду. Но через несколько лет Фридрих поссорился с римским папой; стали они низлагать друг друга. Фридрих собрал епископов, которые были под его властью, велел им выбрать другого папу. Этот папа Фридриха¹¹ дышал только его милостью, не смел показать носа никуда без охраны войска Фридриха, и Фридрих, при всех парадных случаях, водил за повод иноходца, на котором восседал этот жалкий прислужник его. Очень любили парады люди того времени, до такой степени любили, что не разбирали, какую роль приходится играть им на параде, лишь бы играть видную роль. Одной из привилегий императорского сана было право надевать в известные праздники иподиаконский стихарь и читать в парадном богослужении то, что следует читать диакону. И не то, что императоры XI или XII века, но Сигизмунд в начале XV века¹² так восхищался своей активной ролью в парадном богослужении, что не догадывался о том, какое же место занимает он в этом параде, — самое последнее, ниже всех священников.

Итак, много было почета духовным сановникам, и они очень важничали. Притом, многие из них были люди очень грамотные, умели писать пышным слогом по правилам реторики; а малограмотные имели ученых секретарей и писали целые горы в прославление своей важности. Монахи, писавшие ответы им от имени королей и других государей, писали такие же высокопарные фразы в превознесение благочестия своих государей, воздающих должное уважение князьям церкви. Но все это были пустые фразы; если бы придавать реальный смысл условным любезностям, то пришлось бы перевертывать вверх дном все в азиатской истории, да и в нынешнем ее быте: пока сильный азиатский государь не идет войной на ничтожного князька, он пишет ему такие комплименты, по буквальному смыслу которых выходит, что он человек ничтожный перед этим князьком, чуть ли не раб его.

Собственной силы немецкие безбрачные государи имели не очень много. Но должность королевского канцлера занимал обыкновенно один из них. Это, по нынешней терминологии, следует выразить словами, что должность первого министра была соединена с церковным титулом. Канцлер имел большое влияние на дела. Когда немецкий король, уходя в Италию, не имел взрослого сына или дочь, или очень надежного родственника, он обыкновенно назначал регентом не герцога, а кого-нибудь из этих безбрачных государей. Вся гражданская администрация во всех сколько-нибудь крупных областных государствах находилась в руках людей, получавших, вместо жалованья, церковные имения и потому имевших духовные титулы епископов, аббатов, капелланов и пр. Они начинали свою карьеру, быть может, действительным исполнением богослужебных обязанностей, но, сделавшись администраторами, имели главным своим делом служебные обязанности по гражданскому управлению и совершали литургию лишь когда имели досуг, если имели охоту. Дипломатические сношения были поручаемы обыкновенно этим же дельцам. В некоторые, особенно важные, посольства король отправлял герцога или графа, но этого главного посла все-таки сопровождали дельцы, причислявшиеся по своим титулам к духовному сословию. Гражданская администрация не имела в то время такого широкого развития, как теперь, потому что военные начальники делали все, что умели, по всем частям управления. Но все-таки особые гражданские чиновники были многочисленны и важны. Дипломатические дела имели и тогда очень большую важность, — вероятно, такую же, как теперь; принято говорить, что они развились только в новые времена, но это относится разве к тому, что при подавлении областных государей короли французские стали чаще прежнего отправлять послов к другим королям, с которыми имели меньше дел, пока были заняты войнами и переговорами в самой Франции. Будучи государями, немецкие архиепископы, епископы и аббаты важнейших монастырей вели войны с соседними государями. Находясь на службе у герцогов и короля, они бывали и полководцами, — не только дипломатами и гражданскими администраторами.

Таким образом, высшее духовенство в Германии было духовенством только по названию и по праву совершать богослужение. Если мы будем помнить это, то наши мысли о громадном политическом значении его будут справедливы: после сословия, состоявшего из потомственных государей, высшее духовенство было могущественнейшим сословием в Германии. Но если мы под деятельностью духовенства будем понимать только богослужебную, проповедническую, собственно духовную, то мы должны сказать, что в те времена значение духовенства во всей Западной Европе было едва ли более важно, чем теперь, и, по всей вероятности, даже менее важно. Говорят о религиозности людей в средние века.

Должно полагать, что действительно и тогда, как теперь, было очень много людей, у которых религиозное чувство имело сильное влияние на поступки. Но, всматриваясь в тогдашние дела, мы видим, что огромное большинство сильных людей — государей, вельмож, военачальников, гражданских администраторов — поступали с церковью несравненно круче, чем теперь. Припомним, много ли в католических государствах было случаев низложения епископов за последние 50 или 60 лет, многие ли епископы были заключаемы в темницу католическими государями. Трудно припомнить хоть один такой случай. В средние века такие факты встречаются нам на каждом шагу. Возможно ли теперь в католическом государстве, чтоб областной правитель велел бить епископа, сам бил его и даже казнил — и остался безнаказанным, даже заслужил похвалу от своего государя? В средние века такие факты были вовсе не редкостью. В Германии жители города, бывшего резиденцией епископа или архиепископа, били, прогоняли или убивали его и нимало не раскаивались в том. Скажут: «это были проявления тогдашней грубости нравов». Конечно, так, но должно же помнить, что при известной степени грубости нравов общество не может иметь серьезного уважения к представителям религии. Оно уважает только военную силу.

Положение дел в Италии около половины XI века было еще менее, чем в Германии, благоприятно могуществу духовенства в нынешнем смысле слова, то есть могуществу духовных сановников, как людей, занимающихся богослужением, проповедничеством, действующих на религиозное и нравственное чувство. По свидетельству и немцев, и самих итальянцев, в Италии было меньше благочестивых людей, чем в Германии. Политическое значение духовенства было сильно в тех областях Италии, которые находились под властью государей, имевших церковные титулы. Крупных государств этого разряда было тогда в Италии только четыре: архиепископства аквилейское и равеннское, папское государство¹³ и государство аббатства монткассинского. Архиепископы аквилейский и равеннский были государи слабые по сравнению не только с Венецией или с маркграфами северо-восточной Италии, но и с второстепенными соседними светскими государями. Аббат монткассинский был государь ничтожный по сравнению с герцогами северной части Южной Италии. Остается определить размер политического могущества папы. Об этом и будет идти у нас речь в обзоре политической деятельности тех двух пап, которых называют наиболее могущественными.

Но какова бы ни была политическая сила папы, мы не должны забывать некоторых крупных фактов, признанных всеми историками. Сильнейшим государством Средней Италии было в XI веке маркграфство тосканское¹⁴. В Южной Италии продолжалась борьба между греками, сарацинами и местными государями, пока не задавили всех их норманны¹⁵. К концу третьей четверти XI века

владычество над Южной Италией уже принадлежало норманнам. Между норманским герцогством апулийским и Тосканой не было простора для государства, равного им. Но по всей этой промежуточной земле вплоть до ближайших окрестностей Рима повсюду владывали мелкие государи, не повиновавшиеся никому. Конечно, всякий желающий мог называть себя их сюзереном. Не могли бы они воспретить этого и королю шведскому, если б ему пришла охота величаться таким титулом; но немецкий король имел столько же власти над ними, сколько шведский, когда не ходил с войском по их землям. Впрочем, немецкие короли приходили туда часто. В те месяцы или годы, которые проводили они в тех местах, им действительно повиновались те мелкие средне-италийские государи, которые не предпочитали запирались от них в своих укрепленных резиденциях. Потому притязания немецких королей на сюзеренную власть над ними бывали хоть временами не пустой фантазией. В городе Риме правил или какой-нибудь из соседних мелких государей, или граждане жили по своей воле. Когда римский народ или римский государь находились в дружбе с папой, то не мешали ему титуловать себя как ему нравится; когда сердились на него, то били его, сажали в темницу или убивали, а на его место назначали другого. Так было в первой половине XI века. В начале второй половины пришел в Среднюю Италию с большим войском король немецкий Генрих III; местные государи покорились ему, немногих не покорившихся добровольно он заставил покориться, был без сопротивления впущен в Рим и с того времени стал государем этого города, и папский сан снова сделался должностью, на которую назначает римский император — немецкий король, как было при Оттоне I. Это факты общеизвестные, признанные всеми историками.

Таково было состояние Италии и Германии в ту эпоху, когда, по мнению большинства историков, папа стал владыкой западного христианского мира. Против этого мнения не может быть никаких возражений, кроме одного: не то, что в других землях Западной Европы, не то, что в северной половине Средней Италии и в Южной Италии не было места государственному владывству папы, но не было никакого уголка свободного для него по соседству с Римом, ни в самом Риме. Не будь этого затруднения, где поместить папское государство, оно могло бы, конечно, простираться на всю ту землю, в которой могло бы существовать. Только в том и беда, что нигде в Средней Италии не было ни кусочка такой земли.

«Но не о том и говорят, — что папа фактически был светским государем Средней Италии или хотя бы одного города Рима; он владывствовал над королями силою своего сана папы, он был владыка католической церкви, а католическая церковь господствовала над королями». Конечно, если бы короли повиновались католической церкви, а католическая церковь повиновалась папе,

то он был бы повелителем королей. Но затруднение состоит в том, чтобы найти в средних веках время, когда ж это было. После удачного для папы исхода борьбы с базельским собором¹⁶ сопротивление областных церковных правителей папе прекратилось. Но это было уже в конце средних веков, и притом времена эти были очень неблагоприятны владычеству папы над католическою церковью и по признанию самих панегиристов папского могущества: архиепископы испанских королевств, французского королевства, Англии, Шотландии действительно не вступали в споры с папой, но только потому, что не могли ничего говорить ни с ним, ни об нем без приказания своих королей. Управление своими национальными церквями короли взяли непосредственно в свои руки, и архиепископам их государств не было уже никакого дела до приказаний или запрещений папы. Они должны были исполнять приказания короля. В XI веке так было только в Нормандии, в Англии — со времени ее завоевания Вильгельмом¹⁷, в Апулии и Сицилии, завоеванных норманнами. Архиепископы других государств еще сохраняли некоторую независимость от королей, потому имели дела прямо с папой. Их отношения к нему походили на отношения немецких герцогов к своему королю: архиепископы безусловно признавали, что папа занимает в иерархии место гораздо более высокое, чем они, что он имеет право заниматься общими интересами католической церкви, потому может издавать общие постановления по вопросам церковного порядка; но каждый из них охранял свою независимость от папы по управлению частными делами своей митрополии. Так и немецкие герцоги признавали, что король выше их по своему сану, что ему принадлежит право заведывать общими интересами немецкого государства, но ни один не допускал короля вмешиваться в его отношения к графам его герцогства. При сходстве желания охранить свою независимость была, однакоже, очень большая разница в отношениях герцогов и архиепископов к сановникам, старшинство которых они признавали. — У немецкого короля всегда были довольно большие силы, и часто бывали огромные силы. Герцогу было опасно ссориться с ним, и если другие герцоги не помогали ему против короля, то король обыкновенно побеждал и низлагал его, назначал другого вельможу на его место. Папа был бессилен повредить архиепископу: он мог отлучить архиепископа от церкви, низложить его, но архиепископ отвечал на церковное проклятие со стороны папы таким же формальным проклятием самого папы и спокойно оставался на своей должности, — если был в хороших отношениях с людьми, которые действительно могли повредить ему, — с королем, сильными соседними государями и с епископами своей митрополии. Когда король был недоволен архиепископом, он был рад прогнать его, как низложенного папой, когда был доволен им, то объявлял, что он прав, и произнесенное папой низложение недействительно. Если архиепископ своей надменностью

или алчностью раздражал епископов своей митрополии, они съезжались на областной собор и решали, что архиепископ заслужил быть низложенным, и просили короля содействовать отнятию должности у него; но когда были довольны им, съезжались на собор по его приглашению и утверждали отлучение папы от церкви, произнесенное им. Точно так же поступали и соседние сильные областные государи: принимали сторону папы и прогоняли архиепископа или отправляли папе заявление, что не потерпят никакого иноземного вмешательства в дела своего королевства. Бывали случаи, что архиепископ, низложенный папой, действительно терял должность или ехал в Рим просить прощения у папы; но, разбирая эти дела, мы каждый раз находим, что важность дела была не в церковных мерах, принятых против него папой, а в приказании короля, почему-нибудь желавшего прогнать или унижить этого архиепископа, или в том, что соседние областные государи хотели отнять у архиепископа должность, отдать ее другому лицу, собрали войско и победили архиепископа. Можно ли говорить о серьезной подвластности младших сановников старшему, когда при его ссорах с ними дело решают по своему усмотрению другие лица? И каким образом может быть сильной власть папы над французскими или немецкими архиепископами, когда в самой Италии на севере находились два церковные сановника, провозглашавшие, что они совершенно независимы от папы, и когда один архиепископ даже не признавал старшинства папы над ним, а в Южной Италии норманнские государи формально воспретили всякое вмешательство в их государства и заставили папу формально передать им всю ту церковную власть, *<на> какую <он> имел прежде притязания?* Вообразим себе, что государи областей, лежащих кругом Иль-де-Франса¹⁸, не повинуются французскому королю. Возможное ли дело, что он имел какую-нибудь действительную власть над областными государами южной и юго-восточной Франции?

Таковы были в половине XI века отношения архиепископов к папе. Кроме архиепископов Апулии и Сицилии, поставленных в полнейшее подчинение своим государям по делам церковного управления и не имевшим права принимать какие бы то ни было приказания от папы, кроме архиепископов миланского и равеннского, заявлявших полную независимость от папы, все другие католические архиепископы признавали папу своим церковным начальником. Но признавали только на словах, да и то лишь пока не ссорились с ним, а в случаях ссоры с ним отвечали на его проклятия им проклятиями ему.

Расскажем теперь в самых кратких словах историю пап до начала одиннадцатого века.

Пока Рим оставался под властью западного римского императора, не могло быть вопроса о том, каковы отношения папы к светской власти. Он был одним из сановников, которых император

назначал, удалял от должности, наказывал по своему усмотрению; первый сановник западно-римской империи по церковному ведомству, подобно всем другим начальникам разных других ведомств, не имевший ни малейшей самостоятельной власти, обязанный исполнять и действительно исполнявший приказания императора. В последнее время западно-римской империи действительными правителями государства были главнокомандующие немецких наемников. Приказания, отдававшиеся императорами или от имени императоров, были в действительности приказаниями этих главнокомандующих, и папы повиновались этим немецким владыкам Италии. Так продолжалось при Одоакре¹⁹, который, низложив последнего западного императора, стал править Италией от имени восточного императора. Италию завоевывали готы²⁰, папы должны были безусловно повиноваться готским королям; имели тайные сношения с византийским императором, но измена, пока остается секретной, не избавляет от повиновения. Готы были побеждены войсками византийского императора, государем Италии стал он, папы безусловно подчинены ему. Потом Северную Италию и большую часть Средней завоевывали лангобарды²¹. Но Рим остался под властью византийского императора. Временами власть его над Римом, окруженным лангобардскими владениями, была слаба; тогда, подобно римским вельможам, мог не исполнять его приказаний и папа; временами она восстанавливалась, тогда и он, как римские вельможи, повиновался ему. Но если и случались тогда более или менее продолжительные перерывы полной подчиненности папы светскому государю, эти времена давно прошли: Среднюю Италию завоевывали франки²², и папа был поставлен в безусловное повиновение франкскому государю Рима. Та линия Каролингов, которой досталась Италия, ослабела, прекратилась; в Италии начались междоусобия; Рим переходил из рук в руки; кому доставалась власть над Римом, доставалось с тем вместе и владычество над папой. В Южной Италии шла тогда борьба греков и повиновавшихся им мелких государей с другими мелкими государями и сарацинами²³; потом соперничество за власть над Римом шло между государями Средней Италии, Ломбардии, бургундскими, французскими, немецкими королями; чаще других соперников случалось иметь под своей властью Рим ближайшему сильному государю — маркграфу тосканскому; а когда не мог сохранить ее он, она обыкновенно переходила к какой-нибудь из местных династий Римской области. Довольно долго владычествовали в Риме женщины, бывшие одна за другой наследницами одного из соседних с Римом мелких государств и принадлежавших к владениям этого государства частей города Рима, в том числе римской цитадели, называвшейся замком св. Ангела. Папы были слугами этих государынь. Потом овладел Римом маркграф тосканский; папа повиновался ему. Когда он лишился владычества в Риме, оно стало предметом войн между

соседними мелкими государями. При незначительности сил этих соперников, граждане Рима иногда отдавали победу тому, который более пользовался их расположением. Так шли дела до начала XI века, до той поры, с которой будущий папа Григорий VII мог подробно знать историю Рима и пап по рассказам дяди, других своих воспитателей и, отчасти, по воспоминаниям детства. Сделаем обзор его жизни до вступления на папский престол и расскажем кратко главные факты истории пап этого времени.

Имя Григория VII до вступления на папский престол было Гильдебранд. Он родился около 1020 года, в Тоскане. Отец его был простолюдин. Но брат его матери был аббат одного из римских монастырей. Дядя взял к себе племянника. Гильдебранд учился, принял монашество и рано вышел в люди; когда ему было лет двадцать пять, он получил должность капеллана (придворного священника и с тем вместе секретаря) папы Григория VI²⁴.

Этот папа приобрел свой сан способом, показывающим, какой совестливый человек был он. — С 1012 года в Риме владычествовали графы тускульские. Кому из них приходилось по семейным расчетам, тот и занимал папский престол. Вышло, наконец, так, что семейство посадило на папский престол мальчика; впрочем, уж не маленького. Стал мальчик папой, Бенедиктом IX²⁵, и продолжал расти. Подрос, и оказался развратником. Это еще не беда бы; но он и его приятели буянили. И добуянились до того, что рассердили жителей Рима. Римляне взялись за оружие и погнали вон буяна. Графы тускульские были не так сильны, чтобы взять Рим осадой, если римляне были единодушны. На этот раз римляне были единодушны. И, быть может, долго, а пожалуй и всю жизнь привелось бы буяну жить на хлебах у родственников, слушая их попреки, что через него лишились они господства над Римом; но на их и его счастье пошел в Италию король немецкий Конрад²⁶, уж ходивший лет за десять перед тем в Рим, коронованный тогда в сан императора прежним папой, дядей Бенедикта, и считавший графов тускульских усердными своими слугами. Бенедикт поехал к нему жаловаться на римлян. Он рассудил, что следует возвратить графам тускульским господство над Римом, стало быть, и папскую должность их милому родственнику. Римляне не отважились послушаться приказания Конрада, и благонравный юноша снова уселся на папский престол. Конрад, покорив мятежных вассалов в Южной Италии, возвратился в Германию и скоро умер. Сын его, Генрих III, был несколько лет занят установлением своей власти над Германией и войнами с ее восточными соседями. Графы тускульские в эти годы забыли оставаться усердными слугами немецкого короля. А Бенедикт, на беду им и себе, продолжал буянить. И опять добуянился до того, что рассердил римлян; опять они взялись за оружие и погнали его вон

из города. Он бежал; но на этот раз не так далеко, как в прошлый, не в Тускул, а только на другой берег реки, в предместье, называвшееся Леоновым городом. Оно было обведено стенами; он и засел там. Жители предместья остались почему-то друзьями его; соседние вельможи, союзники его рода, пришли на помощь ему; он стал нападать на Рим. Но штурмы были неудачны. Эти драки, сначала на улицах Рима, потом под стенами его, происходили в январе 1044 года. Отбив нападения Бенедикта, римляне низложили его и стали выбирать нового папу. Епископ сабинской епархии, соседней с римской, Иоанн, дал подарки влиятельным людям и был выбран папой. Он принял имя Сильвестра III²⁷. Это было в феврале. Но не дальше, как в апреле, римляне помирились с Бенедиктом; он возвратился в Рим и снова сел на папский престол, а Сильвестр уехал в свою сабинскую епархию. Прожив в Риме год, Бенедикт стал говорить, что тяготится папской должностью, желает продать ее и удалиться на покой. Покупщик нашелся, имеющий хорошие деньги; это был архипресвитер римской церкви Иоанна Предтечи Иоанн Грациан. Сошлись в цене. Бенедикт продал ему папский сан и уехал из Рима. Иоанн Грациан стал папой и принял имя Григория VI. Вступать на папский престол с дракой или подкупом избирателей — это было в порядке вещей. Так бывало каждый раз, когда Рим во время замены прежнего папы новым не находился под чьим-нибудь владычеством. Но чтобы человек, желающий стать папой, прямо формально купил эту должность — такого казуса еще не случилось. Превосходно дал выгодное употребление своему капиталу Иоанн Грациан.

Впрочем, о нем говорят, что он был человек истинно-благочестивый. Это очень правдоподобно, и тем лучше, разумеется.

Плохо одно: он ошибся в расчете. И неудивительно: когда истинно-благочестивый человек войдет в коммерческую сделку с бессовестным, то обыкновенно будет обманут. Так вышло и тут. Через несколько месяцев после того, как продал папский сан, Бенедикт снова принял его. Очевидно, он и передавал его накопившему капитал истинно-благочестивому человеку лишь для того, чтобы обобрать тщеславного дурака, воображавшего себя ловким дельцом, но умевшего только ханжить и копить деньги. Графы тускульские собрали войско, взяли с собой Бенедикта, пошли в Рим, в котором большинство граждан было тогда в дружбе с ними (потому-то Бенедикту и безопасно было продать должность и уехать из Рима). Римляне приняли своих друзей с удовольствием, графы тускульские посадили милого родственника опять на папский престол, а Григория прогнали.

Остался человек без денег и без места, но продолжал называть себя папой.

Сильвестр, живший в своей сабинской епархии, тоже называл себя папой.

Таким образом, летом 1046 года было целых три папы: один при папской должности; другой хоть не при папской, но все же хорошей; третий, бедняга, на подножном корму.

В это время Генрих III, король немецкий, добившись повиновения себе от всех немецких герцогов и удовлетворительно покончив войны с восточными соседями Германии, пошел в Италию восстановить немецкое владычество над нею, получить императорскую корону в Риме и, кстати, поставить там немецкий гарнизон.

Императорская корона получалась через коронование в Риме; коронование совершал папа.

Кому ж из трех пап Генрих велит совершить коронование и отдаст в ненарушимое владение папский престол под командой немецкого начальника немецкого гарнизона?

По соображению Григория, выходило, что Генрих отдаст папский престол ему за его благочестие. Он и поехал навстречу Генриху поскорее услышать удостоверение в этом. Он встретил Генриха в Пиаченце. Генрих выслушал его доводы, почему он истинный папа, не сказал ничего, как думает об этом, и пошел дальше на юг, велев Григорию оставаться при войске.

Пришедши в Сутри — это уж неподалеку от Рима — Генрих остановился, созвал находившихся при войске епископов, велел им сесть, быть собором и судить пап. Григорий был тут. Собор послал Сильвестру и Бенедикту вызов явиться к суду. Сильвестру некуда было спрятаться, он явился. Бенедикт имел надежный приют, не поехал к суду. Генрих велел собору отложить суд над ним; собор стал судить только тех двух пап, которые уже попали под железную рукавицу Генриха. Первого привели на суд Сильвестра. Собор нашел, что он виновен в симонии (приобретении церковной должности за деньги), и низложил его. Потом призывали Григория, велели ему говорить, как он думает о своем папстве. Он сказал, что купил себе папский сан, что это симония, что потому он считает себя недостойным оставаться папой. Собор нашел, что он рассуждает о себе правильно, и низложил его. Генрих велел держать его под арестом и пошел к Риму. Граждане Рима не захотели защищать Бенедикта. Он уехал в свой надежный приют — тускульский замок. Римляне отворили ворота Генриху. Вошедши в Рим, Генрих снова созвал собор и велел ему судить Бенедикта. За этим папой были грешки покрупнее симонии. Собор низложил и его. Папский престол стал вакантным. Отцы собора должны были выбрать нового папу. Кого ж велит им выбрать Генрих? Вероятно, каждому из них уже случалось слышать, кого: Адальберта, епископа бременского²⁸.

И, вероятно, все те из них, которые не были лишены здравого смысла, понимали, почему Генрих велел им низложить прежних пап. Те трое только за то и пострадали, что были итальянцы. Если бы не этот общий их порок, любой из них годился б остаться

ся папой. Нечего и говорить о Сильвестре и Григории, в осуждение которым собор не мог найти ничего, кроме симонии. Хорош был даже Бенедикт; так хорош, что отец Генриха возвратил ему престол, когда он в первый раз был прогнан римлянами. Генрих был дня за четыре перед его низложением готов оставить его папой. Это видно из того, что в Сутри Генрих велел собору отложить суд над ним, сохраняя за собой свободу признать его безукоризненным папой, если так понадобится.

Посадить на папский престол немца было для Генриха выгоднее, чем оставить на нем итальянца. Папа-немец не мог держаться на своей должности иначе, как под охраной воинов немецкого короля. Он по необходимости должен был служить верно королю. Относительно итальянца нельзя было иметь твердого убеждения, что он не войдет в сношения с итальянскими врагами немецкого владычества. Но у Генриха была надобность несравненно более важная, чем выгода иметь папой немца. Он помнил, что ему должно спешить возвращением в Германию. Некоторые из немецких герцогов и многие из второстепенных немецких князей были враждебны ему. Как он ушел из Альп, они начали готовиться к восстанию, склонять других князей на свою сторону. Власть Генриха в Баварии ослабевала с каждым месяцем.

Как же следовало ему поступить, если римляне запрут перед ним ворота — брать Рим силой или удовлетворить тем требованиям, какие заявят римляне? Немецкие короли, коронованные ли, не коронованные ли в сан императора, не раз осаждали Рим. Если римляне оборонялись упорно, то осада длилась два-три года, и случалось, что немецкий король, потеряв под Римом все войско, пробирался в Германию беглецом. Генрих был властолюбив, но рассудителен. Выступая из Сутри, он, очевидно, решил, что войдет в Рим не силой, а с согласия римлян. Если они <не> запрут ворота, он удовлетворит их требованиям. А если они запрут ворота, значительную часть их оборонительных сил будут составлять войска графов тускульских и ворота не отворятся иначе, как с согласия графов тускульских. В чем же будет состоять важнейшее, непоколебимейшее требование графов? В том, чтобы папой был оставлен Бенедикт.

Генрих не велел собору в Сутри судить Бенедикта потому, что имел намерение оставить его папой, если это понадобится для того, чтобы ворота Рима отперлись. Хорошо сделать папой немца; но если для этого надобно было бы осаждать Рим, то «как быть?» Лучше отбросить это желание, оставить на папской должности итальянца.

Оказалось: римляне не хотели подвергать себя бедам осады, приглашают Генриха пожаловать в их город принять императорский сан и получить от них титул патриция, то есть государя Рима.

О! когда так, то можно опростать папский престол для немца.

Отцы собора, созванного в Риме, низложили Бенедикта и ждали, кого велит им выбрать папой Генрих.

Он предложил папский сан Адальберту, архиепископу бременскому, как и было, вероятно, вперед известно всем отцам собора.

Адальберт был усердный слуга Генриха, очень умный человек, опытный делец, самый влиятельный из тех советников Генриха, которые принадлежали к духовному сословию. Важнейшей из забот Генриха в Германии было удерживать в повиновении герцога саксонского, саксонских графов, которые почти все были преданы своему герцогу, и саксонский народ, всегда готовый поддерживать своих князей в попытках низвергнуть франконскую династию, неприязненную саксонцам. Генрих назначил Адальберта архиепископом бременским, чтоб он следил за умыслами герцога и графов саксонских. Бремен по своему местоположению был пунктом очень удобным для этого. Он находился посредине северной части герцогства саксонского; на запад лежали главные массы аллодиальных (родовых) владений герцога саксонского, на востоке герцог и саксонские графы собирали свои войска для походов против северных славянских племен. Адальберт приезжал в Бремен, жил там, сколько было нужно, чтобы разузнать все о замыслах герцога саксонского, и ехал с этими сведениями к Генриху, потом возвращался в свой обсервационный * пункт. Таким образом, кроме пользы, какую приносил Генриху своими советами по управлению общими делами королевства, Адальберт превосходно исполнял очень важную особую обязанность надзора за герцогством саксонским. Но иметь такого хорошего надзирателя и уполномоченного в Риме было для Генриха еще важнее: держать в покорности Среднюю Италию представлялось задачей для немецких королей несравненно более хлопотливой, чем предотвращать или усмирять восстания саксонцев. До сих пор она повиновалась немцам лишь пока главные военные силы немецкого короля находятся за Альпами и пока по их возвращении в Германию государи Средней Италии не подготовят восстания.

Если б Адальберт стал папой, то, без сомнения, он же и был бы назначен главнокомандующим войск, которые Генрих оставит в Средней Италии; он сумел бы держать эту страну в повиновении королю немецкому.

Адальберт был человек честолюбивый до чрезвычайного тщеславия. Он впоследствии разорился на блеск своей бременской обстановки, хотя доходы его были очень велики. Трудно было предположить, чтобы такой честолюбец не принял с восторгом папский сан. Генрих, очевидно, был уверен в его согласии. Мы не знаем, были ль у короля с ним формальные прямые разговоры об этом до формального заявления короля князьям и собору, что

* Наблюдательный. — Ред.

папой должен быть выбран Адальберт. Вероятно, были, и, судя по исходу дела, следует полагать, что Адальберт, в беседах с королем наедине, отказывался от папского сана, и что Генрих, зная его честолюбие, считал отказы притворными. Как бы то ни было, король объявил, что рекомендует собору выбрать папой Адальберта, и услышал на свое предложение решительный отказ Адальберта. Все убеждения короля остались напрасны. При всем своем тщеславии, Адальберт нашел, что ему, влиятельному советнику короля немецкого, не стоит быть папой. Он был прав. Обязанный проводить большую часть времени в Риме, между тем как Генриху необходимо было проводить почти все время в Германии, Адальберт стал бы, сделавшись папой, человеком менее важным, чем был до сих пор. Генриху пришлось бы иметь своим обыкновенным советником кого-нибудь другого. Влияние Адальберта на управление всем государством Генриха ослабело бы. Он справедливо рассчитал, что папский сан слишком плохое вознаграждение за утрату места постоянного советника короля. Увидев, что Адальберт непреклонен, Генрих попросил его рекомендовать, кого же назначить папой. Адальберт рекомендовал своего приятеля Свидгера, епископа бамбергского²⁹. Генрих велел собору выбрать Свидгера и пошел на Тускул. Графы тускульские покорились. Бенедикт или успел спрятаться, или был оставлен Генрихом в покое, как человек уже не опасный. Покончив наскоро дела, какие имел в Южной Италии, Генрих поспешил вернуться в Германию, где уже готовилось восстание. Низложенного Григория VI он взял с собой. Гильдебранд поехал в Германию с своим покровителем. Так как Иоанн Грациан, утратив папский титул, не мог, разумеется, утратить свое благочестие, то Генрих поступил с ним в Германии снисходительно. Говоря серьезно, должно думать, что Генриху было жаль старого дурака, виноватого лишь в глупом тщеславии. Кажется, Григорий VI пользовался в Германии хорошим содержанием и не подвергался обидам. Правда, его держали под надзором. Но, кажется, вовсе не строгим. Через год старик умер. Гильдебранд, по его смерти, отправился жить в клюнийское аббатство³⁰. Оно находилось во французской части королевства бургундского, но все это королевство принадлежало тогда королю немецкому. Есть мнение, что жизнь в Клюнии имела большое влияние на развитие в Гильдебранде тех идей, которым следовал он, сделавшись влиятельным советником, потом и руководителем пап, и которые стал громко высказывать, сделавшись папой. Действительно, клюнийское аббатство было школой, из которой выходили богословы и юристы, провозглашавшие папу верховным владыкой церкви, доказывавшие, что епископы (и архиепископы) не имеют самостоятельной власти, должны считаться только уполномоченными папы, что он — единственный епископ, а все другие сановники, занимающие должность епископов, только его агенты, исправляющие по его поручению те его обязанности, которые

необходимо исполнять не в Риме, а на местах, куда он посылает их; невозможно же, в самом деле, всем людям, назначаемым на священнические должности в Испании, Франции, Германии, Англии, в скандинавских государствах и т. д., ездить в Рим для посвящения в сан, и недостало бы времени у папы объезжать все области Западной Европы для посвящения их в сан на месте; вот потому-то он и передает исполнение этой своей обязанности сановникам, живущим в разных городах католических земель. Они лишь агенты его; у каждого из них он может отнять поручение <и> передать кому хочет другому. Такова была клюнийская теория папской власти над церковью. Об отношениях церкви к государству клюнийцы говорили, что так как вся земная жизнь людей должна быть подчинена обязанности забот о душевном спасении, а этими заботами управляет церковь, то светская власть должна быть подчинена церковной, и владыка церкви, папа, — начальник над королями в их делах по управлению государствами. Относительно приходского духовенства клюнийцы говорили, что священники и диаконы должны быть безбрачными, как монахи. Все это действительно совпадало с мыслями, какими руководился Гильдебранд, давая советы папам, уважавшим его мнения, и высказывал, сделавшись папой. Но до приезда в Ключни он уже несколько лет был деловым человеком. Образ его мыслей, без сомнения, уже установился. Те мысли, проповедниками которых были клюнийцы, принадлежали папскому двору. Ключнийцы только потому и защищали их, что угождали папам, покровительства которых искали в своей борьбе против епархиальных епископов, желавших удерживать их монастыри под своей властью. Гильдебранд не мог услышать в Ключни ничего такого, чего не знал давно бы сам. Притом он прожил в этом аббатстве меньше года.

Возвратившись в Германию, Генрих III уже нашел там врагов, взявшихся за оружие: по смерти Гезелона, герцога лотарингского ³¹, он, опасаясь оставить в одних руках управление этой обширной областью, разделил ее на две части и лишь одну из них, названную герцогством Верхнелотарингским, отдал сыну Гезелона, Готфриду Бородатому, который считал себя вправе наследовать все отцовские владения ³². До похода Генриха в Италию Готфрид уже вел войну с ним и по удалении короля за Альпы снова собрал войско, получил от короля французского обещание поддержки, пошел овладеть той частью отцовских земель, которая была отнята у него Генрихом. Саксонцы выказывали сочувствие Готфриду. Неприязнь их проявлялась резко, и Генрих, искренно или притворно, поверил доносу, что брат герцога саксонского Титмар составил заговор убить его, велел Титмару биться на поединке с доносчиком, по тогдашнему обычаю решать судом божьим споры между обвинителем и обвиняемым. Титмар был убит на поединке. Генрих изгнал его сына. После продолжительной войны король одолел Готфрида и его союзников. Готфрид

приехал к нему просить прощения. Он отдал побежденного герцога под стражу. Нам здесь нет надобности разбирать, кто был прав, Генрих или Готфрид, клеветой или правдой был донос на брата герцога саксонского. Для нас теперь важно только то, что по возвращении из Италии Генрих запутался в тяжелую войну с своими немецкими противниками, и по началу ее было видно, что она протянется долго. Поэтому противники немецкого владычества в Средней Италии ободрились. Графы тускульские отложились от повиновения Генриху. Бонифаций, маркграф тосканский, тоже стал открытым врагом немецкого короля³³. Папа, назначенный Генрихом на место Бенедикта IX, умер вскоре после удаления короля из Италии. По всей вероятности, он был отравлен агентами Бенедикта IX. По его смерти этот низложенный папа приехал в Рим. Но римляне рассчитывали, что, скоро или не скоро, Генрих возвратится в Среднюю Италию восстановить свою власть, не хотели ссориться с ним из-за Бенедикта <и> отправили посольство к Генриху с просьбой о назначении нового папы. Бенедикт уехал в Тускул и через несколько лет умер или там, или в одном из итальянских монастырей. Римские послы просили Генриха назначить папой архиепископа лионского (Лион был город королевства бургундского, и архиепископ этого города был подданный короля немецкого). Но Генрих не уважил просьбы римлян <и> назначил папой опять немца, епископа бриксенского. Вскоре по приезде в Рим новый папа умер. Римляне отправили посольство просить Генриха о назначении нового папы. Он назначил опять немца и притом своего родственника, Брунона, который был епископом города Туля, принадлежавшего тогда к немецкому королевству. Брунон пригласил Гильдебранда ехать с ним, приехал в Рим в феврале 1048 года и поручил Гильдебранду управление папскими финансами. Как видим из этого, Гильдебранд уже пользовался репутацией очень хорошего дельца, хотя ему было тогда только 28 или 29 лет. Папские финансы находились в очень расстроенном состоянии, когда он получил управление ими; он привел их в порядок.

Папа, который привез с собой Гильдебранда в Рим и дал ему очень важную должность, прожил несколько лет и сделал много важного, потому надобно назвать его по имени, в чем не было надобности относительно двух его немецких предместников; он принял имя Льва IX³⁴. Усердный приверженец мысли, что приходское духовенство должно вести безбрачную жизнь, подобно монахам, он возобновлял постановления прежних пап об этом. Но дело все еще подвигалось очень медленно. В 1050 году граждане Беневента, восставшие против своего герцога, отдались под покровительство папы. Норманны, главным вождем которых был тогда один из старших братьев Робера Гискара³⁵, рассчитывали овладеть Беневентом и поссорились с папой. Лев IX поехал просить помощи у Генриха. Император дал ему отряд конницы. Воз-

вратившись в Рим, Лев стал вербовать наемников. Пока тянулись его сборы, старший брат Робера Гискара был убит, главнокомандующим норманнов стал Робер. Когда папа набрал наемников и повел свое войско против норманнов, Робер Гискар разбил его и взял в плен. Это было в 1053 году. Перед решительным сражением Робер предлагал папе мир, вызываясь признать себя вассалом его. Тогда папа был уверен в победе, требовал, чтобы норманны удалились из Италии. Попавшись в плен им, <он> согласился на повторенное прежнее предложение Робера, которого недаром называли Гискаром «Хитрецом». Робер и второстепенные вожди норманнов, еще сохранявшие некоторую независимость от нового своего главнокомандующего, присягнули на верность своему пленнику, обещались платить ему дань. Он за это пожаловал им, как лены папского престола, все те земли Южной Италии, которые они завоевали или желали завоевать.

Применяя к этому договору понятия нового времени, многие историки пишут пышные фразы о величии, какое приобрела папская власть по трактату, заключенному между Львом и Робером Гискаром: папа стал верховным государем Южной Италии, Робер Гискар и другие норманнские вожди признали себя подвластными ему. Разумеется, если бы тогда был XVII или XIX век, а не XI, трактат имел бы именно такое значение. Но при таком своем значении он не был бы и заключен: что за охота была бы Роберу Гискару отдавать себя под власть своему пленнику?

В XI веке государи, не имевшие королевских титулов, охотно называли себя вассалами какого угодно другого, хотя бы самого бессильного государя, если видели в этом хоть самую маленькую выгоду себе. Герцоги бывали вассалами не только епископов, но и простых аббатов: герцог получит по наследству от ничтожного родственника кусок земли, считавшийся леном соседнего аббатства, и, чтобы ничтожный аббат не подымал споров против его вступления в права наследника, он признавал себя вассалом этого аббата, присягал на верность ему. Если бы дошло до ссоры, герцог без малейшего труда покорил бы все владения аббата и взял бы их себе: Но у него были другие дела, ему не хотелось тревожить лишний раз своих вассалов, которых и без того призывал он в поход чаще, нежели бы нравилось им, и он признавал аббата своим сюзереном. Сказать: «Я твой вассал и буду верен тебе», было в те времена так же легко, как ныне написать в заключение письма обычную формулу: «Имею честь быть вашим покорнейшим слугой», и формула вассальской присяги сама по себе точно так же мало связывала свободу действий человека, произносившего ее, как эта наша обычная заключительная фраза писем. Если тот государь, на верность которому приносилась присяга, был сильнее дающего ее и мог в случае нарушения вассальских обязанностей, притти с войском и прогнать вассала из его владений, то, разумеется, присяга была не пустой формулой. Но Робер Гискар знал,

что от его воли будет зависеть взять Рим, посадить папу в темницу, если не будет подле Рима немецкий король или маркграф тосканский. Приобрести дружбу Льва IX было выгодно Роберу Гискару, потому что этот папа находился под покровительством Генриха и пользовался влиянием на него, как <его> усердный приверженец. Потому Гискар и оказал своему пленнику любезность, назвав его своим сюзереном и обещавшись платить ему дань, которая, по ничтожности своего размера, была очень выгодной для Гискара платой агенту императора в Средней Италии за поддержку желаний вассала перед владыкой сюзерена.

Неаполитанские короли, преемники Гискара, много раз гонявшие пап из Рима или сажавшие их в темницу, продолжали называть их своими сюзеренами. Это длилось несколько веков. Дело ясное, что ни Гискар, ни следующие государи Южной Италии не находили свое вассальство таким отношением, которое стоило бы отменить: пусть человек, усердие которого временами бывает полезно, восхищается своим титулом сюзерена и усердствует обслуживать вассалу. А когда он вздумает ссориться, то не трудно посадить его в тюрьму, если нет у него покровителя, какого-нибудь государя, более сильного, чем неаполитанский. А когда Средняя Италия занята немецкими или французскими войсками, идущими низвергнуть короля неаполитанского, то сущность дела для него в том, чтоб отразить эти войска, а не в пустой фразе, что он вассал папы.

Надобно же помнить, каковы были действительные отношения государей Южной Италии к папам: на самом деле, король неаполитанский был повелителем папы, если над папой не было другого повелителя, более сильного. Титулы и теперь не во всех случаях соответствуют степеням могущества государей. Бразильский государь называется императором; значит ли это, что он по действительному размеру своей силы приблизительно равен, например, императору австрийскому? Нет на свете правительства, которое не считало бы королей голландского и бельгийского государями более сильными, чем этот император. В XI веке соответствие титула действительной силе государя было случаем едва ли не более редким, чем несоответствие. Граф саксонский был сильнее всех трех скандинавских королей, взятых вместе, и мальтретировал * короля датского, как никогда не отваживался обижать ландграфа мейсенского, хоть ландграф был ниже его по титулу.

Генрих, наконец, управился с немецкими своими врагами и собирался итти опять в Италию. В это время Лев IX умер. Римляне отправили к Генриху посольство с просьбой назначить нового папу. Главою посольства был Гильдебранд. Генрих назначил папой Гебгарда, епископа эйхштедского. Кто такой был этот епископ? За несколько времени перед тем Генрих прогнал герцога бавар-

* Пренебрегал, унижал, обращался дурно. — *Ред.*

ского и отдал Баварию своему сыну, бывшему еще малюткой, а управление герцогством баварским в малолетство нового герцога поручил епископу эйхштедскому; спрашивается, был ли этот епископ хорошо известен Генриху, пользовался ли его доверием и правдоподобно ли, чтобы нужна была теперь чья-нибудь рекомендация, чтобы Генрих нашел этого своего влиятельного советника и усердного слугу человеком, который будет усердным слугой его на папском престоле? Но по рассказам панегиристов Гильдебранда, он рекомендовал епископа эйхштедского Генриху. Он опутал Генриха своими хитростями так, что возвел на папский престол своего кандидата; собственно ему епископ эйхштедский был обязан своим назначением в папский сан. Пусть Гильдебранд был в тысячу раз умнее и хитрее Генриха, но возможно ли приписывать ему в этом деле какую-нибудь роль, кроме льстивого выражения благодарности Генриху за превосходный выбор папы, и мог ли быть приятен Гильдебранду или кому-нибудь из влиятельных людей папской администрации выбор человека, который на папском престоле оставался усерднейшим исполнителем приказаний Генриха, а потому не мог предоставить никакой самостоятельности никому из своих помощников? Новый папа приехал в Рим весной 1055 года и принял имя Виктора II³⁶. Гильдебранд удержался при нем на своей должности. Спрашивается, какую роль играл Гильдебранд при Викторе II? Дело ясное: исполнял приказания папы, исполнявшего приказания Генриха III. Пусть Гильдебранд был очень хитер, но есть положения, в которых никакой хитрец не может быть ничем, кроме как исполнителем чужой воли.

Отправив нового папу в Рим, Генрих вслед за ним пошел в Италию сам и в начале июня, то есть менее чем через полтора месяца по вступлении Виктора II на папский престол, находился уже во Флоренции и созвал там собор. Император шел через Северную и Среднюю Италию, не встречая сопротивления. Года за три перед тем умер Бонифаций, маркграф тосканский. Маркграфиней тосканской стала его дочь Матильда. Она была тогда шестилетним ребенком. Государством стала править ее мать, маркграфиня Беатриче³⁷. Регентша желала приобрести сильного союзника против короля немецкого, называвшего значительную часть тосканского государства немецким леном и претендовавшего на серьезную власть над этим государством. Упорнейшим врагом Генриха в Германии был герцог верхне-лотарингский Готфрид Горбатый, сын герцога Готфрида Бородатого, тоже врага Генриха³⁸. Беатриче рассудила выйти за Готфрида Горбатого. Весной 1054 года — за год до нового похода Генриха в Италию — Готфрид Горбатый приехал в Тоскану, Беатриче повенчалась с ним. Но Генрих шел теперь с таким сильным войском, что регентша и ее муж находили сопротивление невозможным. Муж уехал из Италии во Фландрию. Беатриче с дочерью явилась к Генриху, вызывавшему их к себе. Он велел арестовать Беатриче и Матильду и отнять у Ма-

тильды те земли, которые называл немецкими ленами. Но долго оставаться в Италии он не мог, надобно было назначить кого-нибудь правителем этих земель. Он отдал их в управление своему усердному слуге, бывшему теперь папой. Кроме того, отдал в управление ему герцогство беневентское. Виктор II правил этими областями не как папа, а как наместник императора. Это было дело доверия императора лично к нему.

Пришедши во Флоренцию, Генрих созвал там собор. На соборе присутствовал и слуга его, папа. Чью волю исполнял флорентийский собор? Дело ясное: он принимал те решения, какие находил надобными Генрих. Император, конечно, был не специалист ни по богословию, ни по церковным законам. Но он много занимался вопросами по этим отраслям знаний, потому что был человек благочестивый и, с тем вместе, любивший читать серьезные книги, беседовать с учеными. Он и его супруга Агнеса³⁹, имевшая большое влияние на мысли мужа, разделяли мнение массы набожных мирян, считавших монашество образом жизни более богоугодным, нежели брачную жизнь. Уже давно у всей этой массы благочестивых мирян в католической Европе уважение к монашескому званию дошло до того, что они желали видеть приходских священников монахами. Генрих и Агнеса были проникнуты этим желанием. Флорентийский собор издал постановление, строго требовавшее безбрачия приходских священников. Нужны ли были внушения Гильдебранда для того, чтобы Генрих велел собору принять закон, которого желал сам?

Генрих оставался в Италии очень недолго: в Германии готовилось новое восстание, он спешил туда и на рождество был уже в Цюрихе (принадлежавшем тогда к немецкому государству). Король чувствовал, что здоровье его, никогда не бывшее крепким, ослабевает, и, понимая сам, что насильственные распоряжения, сделанные им, не могут удержаться, помирился с противниками. Он увез Беатриче и Матильду с собой в Германию. Но через несколько месяцев отпустил их в Тоскану, помирился с мужем Беатриче, дозволил ему ехать к жене — помогать ей в управлении государством. Чувствуя приближение смерти, он пригласил Виктора II приехать к нему. Ясно, что Виктор оставался довереннейшим его советником. В начале октября 1056 г. Генрих умер. Похоронив его, Виктор помогал своими советами вдове своего друга, Агнесе, сделавшейся правительницей государства в малолетство сына, Генриха IV, которому при смерти отца было только шесть лет. Весной следующего года Виктор II возвратился в Рим и летом умер.

Немецкие князья, тяготившиеся попытками Генриха III ограничить их привычные права, готовившиеся к восстанию и заставившие короля отказаться от самовластия, хотели воспользоваться регентством Агнесы, чтобы упрочить свою самостоятельность. В Средней Италии было известно, что власть правительницы

империи очень слаба, что Агнеса не может послать в Италию большого войска. Тосканским государством правили Беатриче и Готфрид. Они по смерти Генриха III могли делать в Риме, что хотят. У Готфрида был брат Фридрих, принявший духовное звание. Он уже довольно давно был кардиналом и жил в Риме. Когда Генрих III, через год по женитьбе Готфрида на Беатриче, пришел в Тоскану, и Готфрид уехал во Фландрию, а Беатриче и Матильда были арестованы императором, кардинал Фридрих уехал в монтекассинский монастырь. Теперь Готфрид и Беатриче владычествовали в Риме, и по смерти Виктора II папой был выбран кардинал Фридрих. Спрашивается: хлопотал ли Гильдебранд об избрании кардинала Фридриха папой? Разумеется, мог выдавать величайшее усердие в этом деле, но кому было нужно оно? Только ему самому, чтобы заявить свою преданность властелину и владычице Рима, Готфриду и Беатриче. Брат Готфрида принял имя Стефана X⁴⁰.

Сам Генрих III замечал, что зашел слишком далеко в своем стремлении возвысить королевскую власть, подчинить немецких герцогов и других сильных князей своему произволу. Противодействие их, которое старался он в последнее время жизни смягчить уступками, проявилось без всяких стеснений по его смерти, когда власть перешла в руки его вдовы, французской принцессы, не имевшей родственных связей в Германии. Иноземка, она не имела никакой опоры себе в немецкой нации. Оттон, герцог швабский, был старик, не имевший наследников. Генрих III обещал отдать по его смерти герцогство швабское одному из сильнейших швабских владетелей, Бертольду, графу тюрингенскому⁴¹. По смерти Генриха сильный швабский владетель, Рудольф, граф рейнфельденский⁴², вздумал принудить Агнесу перецать сан герцога швабского по смерти Оттона ему. Средством для этого он выбрал насильственное вступление в родство с Агнесой, увез дочь ее и Генриха III, одиннадцатилетнюю девочку, и обручился с похищенной невестой. Агнеса была бессильна отнять у него дочь, согласилась на брак, которому не могла помешать. Через несколько времени герцог Оттон умер, Агнеса назначила зятя герцогом швабским. Все это произошло в первый же год регентства Агнесы. Кто же мог не видеть, что Агнеса бессильна? Впрочем, это было бы ясно и без насилий, которыми Рудольф вынудил у нее себе сан герцога швабского: немецкие князья делали, что хотели, и кому из них была охота нападать на соседей, нападал на них, и они оборонялись, как могли. Регентша не имела силы прекратить эти междоусобия.

Кажется, папа мог бы обойтись без поддержки несчастной женщины, которая не могла защитить и свою дочь от похищения. Какое войско могла бы послать в Рим Агнеса? Притом пути из Германии в Рим находились под властью Готфрида и Беатриче. Утверждение со стороны Агнесы было нисколько не нужно брату

Готфрида, выбранному в сан папы. Но привычка повиноваться королю немецкому была так сильна в Риме, что Стефан IX* отправил к Агнесе посольство просить, чтобы она утвердила его выбор. Главою посольства был опять Гильдебранд. Зачем он принял на себя такое поручение, если сколько-нибудь дорожил интересами независимости папского престола от короля немецкого? Почему он не убедил Стефана IX*, что очень легко обойтись без утверждения Агнесы? И если он убеждал Стефана и Готфрида не отправлять посольства и они не послушались его мнения, то зачем принял он на себя поручение ехать послом к Агнесе? Не следует ли отвечать на это так: Гильдебранд еще не был папой, потому интересы папской власти не сливались с его личными интересами? Ему привелось подниматься вверх, цепляясь за пап, но чья бы рука ни поднимала его, ему было все равно, лишь бы подниматься. Немецкий король — ребенок, но станет же он совершеннолетним и пойдет в Рим получить императорский сан. Ссориться с немцами не следует: их расположение пригодится, и умный человек должен воспользоваться случаем для выражения своей преданности императрице и молодому королю и для приобретения дружбы влиятельных людей немецкого государства. Как знать? Быть может, немецкий король опять будет владеть в Риме, когда папский престол снова станет вакантным. Кто объясняет поездку Гильдебранда к Агнесе не этими соображениями, тот слишком наивен.

Меж тем как Гильдебранд хлопотал в Германии об утверждении Стефана IX* в папском сани, новый папа занемог. Болезнь стала безнадежна. Он просил римлян отложить выбор его преемника до возвращения Гильдебранда и уехал к брату во Флоренцию. В марте 1058 г. он умер. Гильдебранд еще не возвращался. Графы тускульские пошли в Рим, и под их влиянием был выбран их прислужник, принявший имя Бенедикта X⁴³. Некоторые кардиналы бежали из Рима, не желая подчиняться графам тускульским. Возвращавшийся из Германии через Флоренцию <Гильдебранд> узнал в этом городе о выборе нового папы. Кардиналы, бежавшие из Рима, собрались в Сиэне. Что такое была тогда Сиэна? — Один из городов маркграфства тосканского. Мог ли быть созван в Сиэне собор иначе, как по воле Готфрида и Беатриче? Созванный в Сиэне собор мог ли решать что-нибудь иначе, как по желанию Готфрида и Беатриче? Отняли ли графы тускульские у Готфрида и Беатриче власть в Риме? Могло ли это быть приятно маркграфине тосканской и ее мужу? Ловкие дельцы нужны хозяевам дела. Но в чем состоит роль этих дельцов? В исполнении желаний хозяев, в прискивании технических средств и в мелких хлопотах по устройству дела.

* Описка в оригинале. Следует читать: Стефан X. — Ред.

Готфрид был человек неглупый; о Беатриче тоже говорят, что она была очень неглупа. Но пусть оба они были люди очень ограниченного ума, чего не говорят о них. Интерес их в данном случае был так ясен, что, хотя б они были люди очень недалекого ума, все-таки не были нужны им ничьи разъяснения, чтобы понимать его.

Итак, кардиналы, бежавшие из Рима, собрались в Сиэне; собрались там и другие епископы. Составился собор, объявил выбор Бенедикта незаконным, выбрал другого папу. Кого же? Епископа флорентийского. Кто был епископ флорентийский? Слуга маркиграфини и маркиграфа тосканских.

Нужны ли были хлопоты Гильдебранда, чтобы достичь этого результата? Он мог очень много суетиться и заслужить своим усердием признательность Готфрида и Беатриче. Но если он хлопотал, то, очевидно, для исполнения их воли, которая была б исполнена и без его хлопот.

Готфрид собрал войско и пошел на Рим. Пришедши в Сутри, созвал новый собор. Этот собор низложил Бенедикта. Готфрид пошел дальше к Риму. Графы тускульские и часть римлян, бывшая на их стороне, пытались отразить Готфрида от стен города. Но он был гораздо сильнее, вошел в Рим. Графы тускульские и клиент их Бенедикт бежали. Готфрид посадил своего усердного слугу на папский престол. Этот папа принял имя Николая II⁴⁴.

При чем тут Гильдебранд, когда дело было решено силой оружия?

Нельзя сказать, что он был тут ни при чем. Он так усердствовал, что заслужил полное доверие Николая II и остался важным лицом в штате папских сановников. Но не испортил ли Гильдебранд своих отношений к немецкому правительству? Нисколько. Готфрид и Беатриче не имели надобности ссориться с Агнесой, которая не могла вредить им. Они соблюли формальность, какой требовало уважение к немецкому правительству, послали еще из Тосканы просить у Агнесы утверждения назначенному ими папе. Она прислала утверждение.

Итак, началось правление Николая II. Рассказывают, что все при нем делал Гильдебранд, а он только исполнял советы Гильдебранда. Очень может быть, но несколько сомнительно, потому что Готфрид и Беатриче едва ли назначили бы папой человека глупого. Вероятно, Николай II сам знал, как ему держать себя. Но Гильдебранд, будучи очень ловким дельцом, мог вести по его поручению переговоры искусней, чем сумел бы он сам, мог находить для исполнения планов Николая такие средства, каких Николай не придумал бы сам. Можно ли предполагать, кроме того, что и самые планы действий были составляемы Гильдебрандом, а Николай без него не сумел бы поставить этих целей для папской дея-

тельности? Едва ли, потому что при Николае II не делалось ничего такого, о чем не толковало бы с давнего времени папское правительство.

Робер Гискар, как следует вассалу, захватил некоторые папские владения. Папа отлучил его за это от церкви. Говорят, что он очень страдал душой, подвергнувшись такому бедствию. Нельзя не верить тому, потому что, как нам говорят, он был очень почтительный сын церкви. Тем яснее выказывается твердость его души: хоть и очень страдал он, обремененный церковным проклятием, но не помирился с папой, пока Николай не уступил ему захваченные им земли. Получив их, он обещался снова быть почтительным сыном церкви и верным вассалом папы. Отняв у своего сюзерена все, что считал надобным взять, он возвратился к войнам против других врагов, продолжал покорять те мелкие государства Южной Италии, какие еще оставались под властью лангобардских династий, и покорять греческие владения в Южной Италии. Это длилось много лет.

Если Гильдебранду принадлежит мысль, что папа не должен ссориться с Робером Гискаром, а уступать во всем этому бессовестному властолюбцу, чтобы иметь в нем защитника себе в случае беды, то следует признать Гильдебранда положившим прочную основу папской политике. Но раньше, чем Николай II, сделал то же самое Лев IX, о котором нелепо предполагать, будто он в самом деле только слушался советов Гильдебранда: он уже раньше того, будучи советником Генриха III и управляя Баварией, выказал себя человеком даровитым, ловким дельцом, не нуждающимся в суфлерах.

Но если верить, что действиями Николая II управлял Гильдебранд, то, находя делом умным примирение с Робером Гискаром, следует же спросить, умно ли было ссориться с ним. Едва ли Гильдебранду принадлежит честь примирения Николая II с Гискаром, едва ли виновен он и в ссоре. Исправление ошибки и ошибка, вероятно, одинаково принадлежали самому Николаю II. Но если он действительно был лишь исполнителем советов Гильдебранда, то следует сказать, что его руководитель, при всей своей хитрости, уже выказал себя тогда человеком, хватающимся за дела не под силу себе. Мысль победить Гискара была такою же нелепостью, как и надежда подействовать на него отлучением от церкви. Если бы Готфрид привел на войну с Гискаром все военные силы тосканского государства, то был бы какой-нибудь шанс победить этого почтительного сына церкви? Велика ли была бы вероятность победы или мала, мы не можем судить по недостатку точных данных для сравнения сил Гискара и Готфрида. Но какой-нибудь шанс победы Готфрида, вероятно, был бы, потому что маркграфство тосканское было государство довольно могущественное, а без его помощи ссориться с Гискаром было со стороны папы нелепой

фантазией. Разве уже не оказалось лет за семь перед тем, что Гискар гораздо сильнее папы? А с той поры его могущество возросло в несколько раз.

Приписывают Гильдебранду подчинение архиепископа миланского папе. Это дело церковное, потому можно пропустить его и без разбора при оценке деятельности Григория VII с политической точки зрения. Достаточно сказать, что ломбардское высшее духовенство жило роскошно и весело. Возникла в Ломбардии аскетическая партия, требовавшая, чтобы каноники, аббаты, епископы и сам архиепископ миланский служили для народа примерами воздержности, скромности и всех тому подобных добродетелей, которыми очень легко отличатся беднякам, но требовать которых от людей с большими доходами — ребяческая наивность. Проповеди фантазеров, обличавших роскошь высшего ломбардского духовенства, понравились миланским простолюдинам. Начались драки. Простолюдины одолевали архиепископа. Папа прислал в Милан легата. Архиепископ был трус и, запуганный надменными словами легата, знаменитого своим аскетизмом, Петра Дамиани⁴⁵, отрекся от своего права миланской архиепископской кафедры — быть неподвластным папе. Само собой разумеется, из этого ничего не вышло. Ломбардское духовенство не захотело покориться папе, и права ломбардской церкви остались прежние. Архиепископы миланские, как прежде, так и теперь, не повиновались папе и обыкновенно были врагами его.

Но покровительство Робера Гискара, приобретенное покорностью его требованиям, было действительно умно и принесло пользу Николаю II. Гискар разрушил замок графов тускульских, покровителей Бенедикта, взял и тот замок, в который заперся этот соперник Николая. Попавшись в руки Гискару, Бенедикт отрекся от папского сана.

В политических делах Николай II был только продолжателем деятельности предшествовавших ему пап-немцев, но в церковных делах он произвел нововведение относительно порядка выбора пап. Прежде в выборе участвовали римские вельможи, население города Рима и все духовенство римской епархии. Когда выбор производился не под владычеством какого-нибудь государя, он обыкновенно сопровождался драками. При Николае II был принят <собором>, созванным в латеранской церкви, закон, постановлявший, что папу избирает коллегия, состоящая из главных духовных сановников римской епархии, которым был дан титул кардиналов. Участие вельмож и народа было ограничено тем, что выбор, сделанный коллегией кардиналов, предлагается на утверждение собранию римских вельмож и граждан. Говорят, что это постановление латеранского собора 1059 года, остающееся в силе до сих пор, было сделано с целью дать выбору папы независимость от государей и, главным образом, от короля немецкого. Очень вероятно, что патриотическая партия римского папского двора

имела это намерение. Но если это так, то цель, предположенная ею, не была достигнута. Но, всматриваясь в закон, мы видим, что характер его не совсем такой, как обыкновенно говорится. В отношениях немецкого короля к выбору папы он не делает никакой перемены. Если бы прежде немецкие короли производили назначение пап формальным заявлением, что такое-то лицо возводится в папский сан волею немецкого короля, закон 1059 года производил бы коренную перемену, заменяя волю немецкого короля властью коллегии кардиналов. Но немецкие короли не делали прямых заявлений, что назначают пап собственной властью. Такие заявления были несообразны с тогдашним порядком всяческих назначений в церковные должности, считавшиеся самостоятельными. Были в Германии аббатства, считавшиеся лично собственностью или короля, или того областного государя, владениями которого были окружены. В эти монастыри король или областной государь назначал аббатов формальным повелением монахам повиноваться новому начальнику. Но были даже аббатства, считавшиеся учреждениями самостоятельными. В них аббат был избираем коллегией старших монахов, так называемым конвентом аббатства. Епископские кафедры в Германии были учреждениями по форме самостоятельными. Выбор епископа производился так называемым капитулом — коллегией старших должностных лиц кафедральной церкви, имевших общий титул каноников. Король только рекомендовал своего кандидата капитулу кафедральной церкви. Только в этом состояло формальное участие в выборе епископов. На деле выбор был лишь формальностью, приводившей в исполнение волю короля. Когда король был далеко от вакантной епископской кафедры, капитул выбирал епископа, не дожидаясь королевской рекомендации, и посылал сделанный выбор на утверждение короля. Само собой разумеется, что было выбираемо лицо, которое, по мнению избирателей, могло получить королевское утверждение в сане, то есть то лицо, которое рекомендовал <бы> сам король, если бы было время дожидаться, кого он рекомендует. Относительно римской кафедры делалось в последнее время точно так же, как относительно немецких кафедр: когда немецкий король находился неподалеку от Рима или в Риме, он рекомендовал своего кандидата, и только; когда он был далеко от Рима, избиратели выбирали папу, не дожидаясь его рекомендации, и посылали свой выбор на его утверждение. Как было до закона 1059 года, так осталось и по этому закону. Если он был составлен под влиянием патристических мыслей об ограждении независимости папских выборов от немецкого короля, то эти мысли существовали в уме составителей закона, а в законе не выразились ничем. Патриоты не решились сделать перемены, о которой мечтали. Но предположение о патристическом намерении составителей закона едва ли не следует назвать пустой выдумкой позднейших панегиристов Григория VII.

Всматриваясь в закон, принятый латеранским собором 1059 года, мы видим, что цель его была совершенно не та, как стали потом говорить поклонники мудрости и благочестия Григория VII: закон производит перемену только в составе избирательной коллегии. Прежде она состояла из вельмож, народа и духовенства. Латеранский собор постановил, что она будет состоять из некоторых церковных сановников римской епархии, что остальное духовенство римской епархии, римские вельможи и народ исключаются из ее состава. Очевидно, что духовные должностные лица папского двора хотели возвысить свое положение, исключив остальное епархиальное духовенство, народ и вельмож от участия в выборе папы. Достигли ль они хоть этого? Формальным образом, да: избирателями папы стали только кардиналы; они одни заседали в коллегии, выбиравшей папу, и только их голоса считались на этих выборах. Но дело не в том, кто избиратели, а в том, самостоятельны ли они. Если они находятся под чьей-нибудь властью, то выборы производятся ими лишь по форме, а на самом деле избирается кандидат по назначению их повелителя. Через несколько столетий после латеранского собора 1059 года установился в Средней Италии такой порядок вещей, что коллегия кардиналов могла производить выбор папы самостоятельно. Но тогда сильные государи Западной Европы уже не находили надобным посылать войска в Рим для управления папскими выборами. Только поэтому коллегия кардиналов и могла выбирать пап не по чужому приказанию, а по своим соображениям. До той поры изредка случалось, что Рим был городом, независимым от иноземного господства не на словах только, а на деле. В этих случаях бывали над ним повелители из соседних вельмож, и выбор папы производился по их приказанию. Но обыкновенно властвовал над Римом не по форме, а на деле, какой-нибудь иноземный государь: или король неаполитанский, или император немецкий, и коллегия кардиналов выбирала папой его кандидата. Короли французские, когда забрали папу в свои руки, то предпочли переселить его во Францию⁴⁶. По возвращении из этого плена вавилонского в Рим папа извертывался как мог в борьбе между королями испанскими, французскими и немецкими. А когда умирал, то коллегия кардиналов вертелась по приказанию того из них, кому приходилось ей повиноваться в том году.

Николай II умер в июле 1061 года. Римские вельможи не хотели предоставить выбора нового папы кардиналам и отправили в Германию посольство просить Агнесу о назначении папой их кандидата. Кардиналы тоже отправили посла к Агнесе. Она сказала, что разберет это дело. Посол кардиналов увидел, что она решит спор не в их пользу, вернулся в Рим <и> передал это своим товарищам. Покровителем коллегии кардиналов был в это время довольно сильный соседний государь, аббат монтекассинский. Он рассудил, что его силы не достанет на борьбу против рим-

ских вельмож, и обратился с просьбой о помощи к другому соседнему государю, который был сильнее его, норманнскому полководцу Ришару, бывшему тогда герцогом папуанским⁴⁷. (Робер Гискар был занят покорением греческих владений в Южной Италии, потому еще оставлял государям некоторых областей ее других норманнских полководцев.) Ришар привел свое войско в Рим, и был выбран папой прогнанный из Милана противник независимости миланского архиепископа от папы, Ансельм, бывший тогда епископом лукским. Он принял имя Александра II⁴⁸. Агнеса между тем собрала в Базеле собрание немецких и ломбардских князей и епископов для решения спора между кардиналами и римскими вельможами. Ей казалось, что следует отдать предпочтение вельможам. Базельское собрание светских и духовных сановников объявило, что кардиналы произвели выбор противозаконно, низложило Александра II и выбрало папой епископа пармского Кадолая, усердного приверженца немецкой власти над Италией. Кадолай принял имя Гонория II⁴⁹. Базельское собрание дало ему несколько войска; сам он имел большой запас денег и много друзей в своей епархии, пошел с данным ему небольшим войском из Базеля в Парму, набрал там побольше войска и пошел на своего соперника, сидевшего в Риме. Ему надобно было проходить через владения Матильды. Она и Готфрид были застигнуты врасплох, не успели собрать войска, потому Гонорий II прошел к Риму, не встречая сопротивления. Александр II и его покровитель Ришар приготовились к обороне. Панегиристы Григория VII говорят, будто обороной управлял он и войско собрал тоже он. Едва ли так. Тут был Ришар, без сомнения, не нуждавшийся в его руководстве по распоряжению военными делами. Но пусть управлял всем он. Гонорий II разбил войско, вышедшее против него из Рима, овладел Леоновым городом, ворвался в собственно так называемый город Рим, взял римскую цитадель, замок св. Ангела. Но большинство римских граждан было на стороне Александра II. Кроме цитадели, в Риме было много других укрепленных зданий; Гонорий штурмовал их. Но пока длилась эта борьба, Готфрид собрал войско и пошел к Риму. Он и Матильда не хотели допустить, чтобы папой был слуга немецкого короля. Когда Готфрид подошел к Риму, Гонорий отступил в Тускул. Готфрид велел обоим папам ехать в свои епархии, объявив, что дело будет решено королем немецким. Они, поджав хвосты, поехали: Александр — в Лукку, Гонорий — в Парму, а Готфрид отправился в Германию, где уже было подготовлено дело, по которому распорядителем решений немецкого правительства должен был стать он, — похищение ребенка короля клиентом Готфрида Анноном, архиепископом кёльнским⁵⁰.

Сильнейшие областные государи Германии, герцоги, маркграфы и владельцы обширных графств, находили неудобным для себя непосредственно заниматься текущими делами центральной

администрации в те времена, когда от их воли зависело стать правителями королевства от имени короля, или малолетнего, или давно ушедшего в Италию, или утратившего фактическую силу, сохранившего лишь формальное право. Администрация была дело скучное для этих военных людей. Притом, они были и непривычны к ней. А главное, они были бы принуждены запустить дела своих государств, если бы занялись канцелярской работой по центральной администрации. Часто случалось, что надежнейшим помощником, вернейшим другом короля был какой-нибудь герцог, но никогда герцог не занимал должности канцлера. Редко случалось и то, чтобы король, отправляясь в Италию, поручал регентство герцогу, своему другу; обыкновенно он только просил его поддерживать регента, а регентом назначал какого-нибудь церковного сановника, то есть дельца, привычного к канцелярской работе. Должность канцлера никогда не занимали ни герцоги, ни другие сильные светские князья, всегда занимали церковные сановники.

Припомним, на сколько герцогств делилась тогда Германия. Их было пять: лотарингское, саксонское, франконское, швабское и баварское. Королевский сан принадлежал тогда франконской королевской династии, и герцогом франконским оставался король. Герцоги саксонские постоянно находились во вражде с франконскими королями. Герцогом баварским тогда был саксонец Оттон Нортгеймский⁵¹, разделявший опасения саксонских вельмож и всех свободных людей, что франконские короли и советники их хотят подавить самостоятельность саксонского племени. Теперь, в малолетство короля, при слабости центрального правительства, было удобное время подвести королевскую власть под такие ограничения, чтобы король, достигнув совершеннолетия, не мог поработить саксонцев. Герцогом швабским был Рудольф, отнявший дочь у регентши и насильем вынудивший центральное правительство дать ему герцогство швабское. Таким образом, из четырех герцогов три были враждебны франконской династии. Приехал в Германию Готфрид, герцог лотарингский, муж Матильды Тосканской, старинный враг франконской династии, и было решено передать управление королевством такому дельцу, который был бы усердным приверженцем самостоятельности немецких племен, то есть самостоятельности герцогов племен. На стороне четырех герцогов были их племена и большинство второстепенных областных государей. <Что можно было сделать> с такой коалицией? Был, правда, еще один герцог, только по титулу, а не по действительной силе, Бертольд Тюрингенский, получивший от Агнесы Каринтии с возведением этой малонаселенной области на степень герцогства. Бертольд имел довольно значительные владения в Швабии, но и с прибавкой к ним Каринтии оставался гораздо слабее каждого из четырех герцогов племен.

Как шли совещания между четырьмя герцогами племен и важнейшими их союзниками, мы не знаем, видим только, что решено было передать управление государством клиенту герцогов саксонского, баварского и лотарингского, Аннону, архиепископу кельнскому, и что это решение было принято союзниками по совету Готфрида. Аннон заманил на свой корабль короля-ребенка, жившего тогда с матерью на одном из островов Кёльна, и увез его в Кёльн. Князья, орудием которых был <Аннон>, объявили его правителем королевства. Решителем дел, в которых замешаны были интересы маркграфини тосканской, стал ее муж Готфрид. Аннон созвал в Аугсбурге собор для решения вопроса о том, кого из двух соперников признать истинным папой. Александр был клиент Готфрида. Гонорий был назначен Агнесой и ломбардскими приверженцами немецкой власти над Италией. Дело ясное, в чью пользу должен был решить вопрос аугсбургский собор. Но, когда соблюдение форм беспристрастия не представляло неудобства, люди и тогда умели принимать на себя вид беспристрастия. Собор постановил отправить в Рим уполномоченных, которые рассмотрят, кто был выбран папой по законному порядку. Кто окажется выбран по законному порядку, тот и будет папой. Уполномоченные приехали в Рим, нашли выбор Александра законным, выбор Гонория незаконным. Готфрид, возвратившийся в Тоскану, собрал войско, взял с собой Александра, привел его в Рим и посадил его на папский престол. Это было в январе 1063 года.

Через несколько времени собрал большое войско Гонорий, подступил к Риму. Готфрид почему-то не мог принять участия в этой новой борьбе. Один из римских вельмож, бывших на стороне Гонория, владел замком св. Ангела. Гонорий овладел Леоновым городом, вошел в Рим и, при помощи этого вельможи, штурмовал те укрепленные здания, в которых держались норманны, защитники Александра. К этим норманнам приходили подкрепления. Запасы денег у Гонория истощились. Наемники, составлявшие главную часть его войска, ушли от него, не получая жалованья. Норманны выгнали его из Рима, отняли у него и Леонов город. Он удалился в Ломбардию, епископы которой признавали его папой. Готфрид и Аннон созвали в Мантуе новый собор. Он потребовал обоих пап явиться для защиты своих притязаний. Гонорий знал, что дело будет решено в пользу Александра, потому не поехал в Мантую. Александр приехал. Собор нашел его притязание на папский сан законным, провозгласил его папой, объявил Гонория низложенным. Готфрид собрал войско, пошел с Александром, усмирил вельмож, враждебных Александру. Власть этого папы была теперь окончательно упрочена.

Но архиепископы миланский и равеннский и ломбардские епископы продолжали признавать папой Гонория, и он оставался главою ломбардской церкви до самой своей смерти.

Александр был папой более десяти лет, если считать время с его выбора, и лет девять, если считать с окончательного удаления Гонория из Рима. Вероятно, об этих годах справедливы те уверения панегиристов Гильдебранда, что он был руководителем пап. Относительно предшественников Александра нет никакой вероятности, чтоб они в самом деле были исполнителями внушений Гильдебранда. Кажется, они были сами люди очень умные и хорошие дельцы. Должно полагать, что Гильдебранд мог только выказывать свои таланты ловким исполнением их поручений. Но Александр был, кажется, человек не даровитый, и очень может быть, что Гильдебранд действительно управлял им.

В те девять лет, которые прошли между мантуанским собором и смертью Александра, не было сделано папским правительством ровно ничего важного. Если Гильдебранд действительно властвовал тогда над папой, то должно думать, что он гораздо ниже своей репутации государственного человека, что он был одним из тех людей, которые умеют ловко исполнять чужие инструкции, а сами не могут придумать ничего важного и вместе умного. Таковы обыкновенно бывают даровитые интриганы. Постоянно обращая силу своего ума на устройство мелких хитростей, они теряют способность хорошо соображать решения по крупным делам.

В том, что Гильдебранд был очень ловкий интриган, нельзя сомневаться: он умел поладить с каждым папой, угождал Готфриду, угождал и правительству Агнесы, с которым Готфрид был во вражде. Крепко держался на своем месте при всяческих переменях повелителей над папами. Плохие интриганы не умеют устраивать свою карьеру так успешно и вместе так прочно.

Бесспорно, он был человек очень талантливый, но кажется, что, слишком усердно заботясь исключительно о своей карьере, он сделал себя способным только исполнять чужие поручения и утратил способность самостоятельно вести политические дела с таким же благоразумием, с каким заботился о своем личном возвышении.

Панегиристы его говорят, что коллегия кардиналов уже находилась в полном его распоряжении при смерти Николая II и что если б он захотел, то был бы выбран папой тогда. Так ли, или нет, но в годы папства Александра II его преобладание в коллегии кардиналов или упрочилось, если было сильно раньше, или установилось, если раньше того не было очень сильным. Хотел ли он, но еще не мог, или уже мог, но считал преждевременным сделаться папой по смерти Николая II, но теперь, при смерти Александра II, кардиналы были готовы выбрать его, и он уже хотел стать папой. Тем страннее ошибка, сделанная или допущенная им в этом случае: раньше, нежели успели собраться кардиналы и произвести выбор по форме, установленной латеранским собором 1059 года, кардинал Гуго, горячий приверженец Гильдебранда ⁵²,

взволновал толпу народа, доказывая, что надобно провозгласить папой Гильдебранда, повел эту толпу к Гильдебранду; она схватила его, повела в ту церковь, где стоял папский престол, и посадила своего избранника на этот престол, провозглашая его папой. Кардиналы торопливо собрались и утвердили выбор народа. К чему был нужен этот фарс народного избрания, нарушавший законную форму выбора? Думать ли, что уверения панегиристов Гильдебранда относительно преданности кардиналов ему лживы, что он не надеялся получить большинство голосов в коллегии кардиналов, если не запугает тех своих товарищей, которые враждебны ему и составляют большинство, или кардинал Гуго действовал не по соглашению с ним? Панегиристы Гильдебранда говорят, что кардинал Гуго действительно поступил без его ведома, что Гильдебранд не притворялся, выказывая огорчение от его поступка. Если так, то должно сказать, что Гильдебранд не умел держать свою партию в дисциплине, то есть был ловким интриганом, но плохим вождем партии.

Как бы то ни было, кардиналы выбрали его папой. Он принял имя Григория VII, стал делать распоряжения, как будто уже исполнял папскую должность, но не принимал на себя папского сана до получения из Германии известия, признал ли его папой король немецкий.

Послал ли он просить у немецкого короля утверждения его в сане? Нет, говорят его панегиристы; он только послал немецкому королю извещение о своем выборе, как послал другим королям. Они говорят, что это было со стороны Гильдебранда очень замысловатой хитростью: будет ему привезен ответ, что король немецкий не согласен признать его папой, он может отказаться от сана, потому что еще не принял рукоположения; а если король немецкий согласится признать его папой, то он может говорить, что стал папой без утверждения немецкого короля, потому что не просил у него утверждения, а не просил потому, что не нужно, что папский сан дается выбором кардиналов независимо от воли немецкого короля.

Хитро, это правда. Но бывают хитрости очень плохого сорта. Та, которую придумал сделать Гильдебранд по вступлении в должность папы, была очень плоха. Если он рассчитывал, что доброе расположение короля немецкого не нужно ему, то незачем было отлагать рукоположение в сан до получения ответа немецкого короля на извещение о выборе. Отлагая его, Гильдебранд показывал, что нуждается в согласии немецкого короля на выбор.

(На этом рукопись обрывается.)